

Приведенные примеры вариантов апеллятивно-онимного взаимодействия в художественных текстах Ф.М. Достоевского не являются единичными и прослеживаются со времени первого романа «Бедные люди», где семантика имени главной героини *Варвара* (от греч. *βάρβαρος* ‘чужеземка, дикарка’ [8, с. 359]) поддерживается апеллятивом *дикарка*, используемом в акте самонаминации («я такая дикарка» [20, с. 28]; «к тому же я такая нелюдимка, дикарка» [8, с. 54]), а значение фамилии *Доброселова* – намек на происхождение героини из «доброго селения», о котором она рассказывает в романе [8, с. 27], что позволяет говорить об индивидуально-авторском принципе ономастического кода писателя.

Литература

1. Бицилли П.М. Происхождение имени Карамазовых // Россия и Славянство. – Париж. 24.X.1931.
2. Бем А.Л. Словарь личных имен у Достоевского. Ч. 1: Произведения художественные / Составлен А.Л. Бемом, С.В. Завадским, Р.В. Плетневым и Д.И. Чижевским; под общей редакцией А.Л. Бема // О Достоевском. – Прага, 1933, т. 2. – С. I–VIII, 1–89 (Приложение).
3. Альтман М.С. По вехам имен. – Саратов, 1975. – 280 с.
4. Достоевская А.Г. Записная книжка 1881 года // Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. – СПб., 1993. – С. 275–284.
5. Савостьянова (Достоевская) В.А. Воспоминания о встречах со своим дядей Ф.М. Достоевским // Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. – СПб., 1993. – С. 214–216.
6. Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг. – СПб., 1912. – 223 с.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 4. – Л.: Наука, 1972. – 329 с.
8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 1. – Л.: Наука, 1972. – 522 с.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 2. – Л.: Наука, 1972. – 530 с.
10. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 20. – Л.: Наука, 1980. – 434 с.
11. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 30 (1). – Л.: Наука, 1988. – 458 с.
12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 6. – Л.: Наука, 1973. – 426 с.
13. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 14. – Л.: Наука, 1976. – 514 с.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т. 4. – М.: Терра, 1995. – 688 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 3. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – 832 с.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т. 2. – М.: Терра, 1995. – 784 с.
17. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 15. – Л.: Наука, 1976. – 625 с.
18. Иванов Вяч. Вс. О композиционной роли фамилий героев у Достоевского. Смердяков // Избранные труды по семиотике и истории культуры. – Том. 2. Статьи о русской литературе. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 105–109.
19. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30-ти тт. Т. 10. – Л.: Наука, 1974. – 522 с.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ А.С. ПУШКИНА В ПОВЕСТЯХ Д. ЕМЦА О МЕФОДИИ БУСЛАЕВЕ

Т.П. Слесарева

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

к.ф.н., доцент; e-mail: slestp@yandex.ru

Республика Беларусь, г. Витебск

А.С. Пушкин поистине неисчерпаем: каждое новое поколение находит в нём свой мотив, а прецедентные тексты из его произведений становятся хрестоматийными. Зачастую в современных художественных текстах пушкинские строки встречаются в том или ином «искаженном» виде. Ярким примером могут служить повести популярного детского писателя Дмитрия Емца о Мефодии Буслаеве, в которых автор поднимает вопрос борьбы света и тьмы.

Ключевые слова: прецедентные тексты; цитаты; трансформация; детская литература; Дмитрий Емца; Мефодий Буслаев.

В последнее время приоритетное место в детской литературе занимает фэнтези. И творчество детско-подросткового писателя-фантаста, кандидата филологических наук Дмитрия Александровича Емца не исключение. На наш взгляд, в век компьютерных баталий и широкоэкранный кино с эффектом присутствия ему всё-таки удалось привить подросткам привычку читать книги, в которых молодой (и не только) читатель найдет для себя ответы на многие серьезные вопросы.

Главным героем одной из серий повестей автора является Мефодий Буслаев – мальчишка, родившийся в полное солнечное затмение, получивший своё имя от создателя старославянской азбуки, а фамилию – от богатыря Василия Буслаева. Но Мефодий получает также в подарок от судьбы и магический дар, о котором узнаёт только в двенадцать с половиной лет.

И вот герой оказывается перед нелёгким выбором, каким жизненным путем пойти – светлым или темным, добра или зла. Ему предстоит пережить немало испытаний, прежде чем он наконец выберет сторону и пойдёт по своему собственному пути.

Несмотря на то, что повести Емца ориентированы в основном на подростковую читательскую аудиторию, критики отмечали наличие в них и достаточно «взрослого» юмора, и многочисленных христианских мыслей, и аллюзий. Мы позволим себе добавить в этот перечень прецедентные тексты, встречающиеся в том или ином виде на страницах повестей довольно часто.

Термин «прецедентный текст» происходит от латинского *praecedens*, что означает «идуший впереди, предшествующий». Этим термином обозначаются тексты или выражения, известные большинству образованного населения и употребляющиеся как устойчивые выражения (речевые стереотипы).

В научный обиход данный термин ввёл Ю.Н. Караулов, который отмечал, что «прецедентные тексты можно было бы назвать хрестоматийными в том смысле, что если даже они не входят в программу общеобразовательной школы, <...> то всё равно все говорящие так или иначе знают о них, – прочитав ли их сами, или хотя бы понаслышке» [6, с. 216].

К числу прецедентных текстов принадлежат так называемые хрестоматийные (широко известные) произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы, анекдотов.

С полным правом к числу прецедентных могут быть отнесены и произведения А.С. Пушкина, цитаты из которых нами были зафиксированы в анализируемых повестях и условно разделены на три группы.

Первую группу составляют прямые цитаты, взятые из произведений великого поэта. Так, уже в повести, открывающей цикл, «Мефодий Буслаев. Маг Полуночи» нами были зафиксированы строки из стихотворения А.С. Пушкина «Анчар»:

*В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной...* [3, с. 380],

с которых и начинается стихотворение:

*В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.*

и строчку из романа «Евгений Онегин»:

...а счастье было так возможно... [3, с. 382],

которую Пушкин вложил в уста своей любимой героини:

*А счастье было так возможно,
Так близко!.. Но судьба моя
Уж решена. Неосторожно,
Быть может, поступила я...*

Прямую цитату из этого же романа, причём с указанием на автора, встречаем и в повести «Мефодий Буслаев. Лёд и пламя Тартара»: «Девушка! – сказала ведьма с психиатрической вкрадчивостью. – *Учитесь властвовать собою.* Это советую вам не я, а Пушкин» [2, с. 188].

В «Евгении Онегине» главный герой говорит Татьяне Лариной:

*...Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;*

Не всякий вас, как я, поймет;
К беде неопытность ведет..

Интересную, на наш взгляд, группу представляют преобразованные цитаты.

Так, ко второй группе мы предлагаем отнести знаменитые фразы, в которых сохранено начало цитируемого текста, но трансформировано его окончание.

Примером могут служить такие фразы, как «*Души прекрасные порывы жить не дают?*», встретившаяся в повести «Мефодий Буслаев. Свиток желаний» [4, с. 42]., и фраза из повести «Мефодий Буслаев. Тайная магия Депресняка» «*На почве, зноем опалённой, проживал один верблюд*» [5, с. 90]. В них легко «угадываются» строки из таких стихотворений А.С. Пушкина, как «К Чаадаеву»:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

и уже упомянутый выше «Анчар»:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

А вот в повести «Мефодий Буслаев. Билет на Лысую гору» нами зафиксирована цитата А.С. Пушкина, у которой изменено начало, но оставлено авторское окончание: «Дела! Дела! *Покою сердце просит!*» [1, с. 94].

У Пушкина это:

Пора, мой друг, пора! *покою сердце просит –*
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить...

И ещё одну группу, которую мы можем выделить, составят цитаты, которые в текстах Дмитрия Емца претерпели различного рода трансформации.

Так в повести «Мефодий Буслаев. Маг Полуночи» читаем: «*Построй себе нерукотворный памятник! К нему не зарастет, проезжая часть!*» [3, с. 56]. Если сравнить с текстом «оригинала», который выглядит следующим образом:

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа...*

то мы обнаружим и синонимическую замену одного компонента (построй / воздвиг), и изменение окончания предложения (проезжая часть / народная тропа).

В повести «Мефодий Буслаев. Свиток желаний» фраза «*Чего тебе опять надобно, старче?*» [4, с. 326] прямо отсылает нас к диалогу рыбака и рыбки из одноимённой сказки А.С. Пушкина:

Приплыла к нему рыбка, спросила:
«*Чего тебе надобно, старче?*»

Здесь мы имеем дело с расширением прямой цитаты за счёт введения одного компонента (наречия «опять»).

Таким образом, привлечение Дмитрием Емцом в свои повести прецедентных текстов, точных или преобразованных цитат подчиняется стилистическим целям и творческим задачам, стоящим перед автором, выявляет индивидуально-авторский подход, делает тексты, предназначенные для подростков, более живым, ярким и экспрессивным.

Литература

1. Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Билет на Лысую гору: повесть. – М.: Эксмо, 2006. – 416 с.
2. Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Лёд и пламя Тартара. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.
3. Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Маг Полуночи: повесть. – М.: Эксмо, 2009. – 416 с.
4. Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Свиток желаний: повесть. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.
5. Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Тайная магия Депресняка: повесть. – М.: Эксмо, 2008. – 416 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.

РАЗРАБОТКА И ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ АНАЛИЗА ОБРАЗНЫХ ПОЛЕЙ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ПРАКТИКЕ ВУЗОВСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

М.Г. Соколова

Тольяттинский государственный университет

к.п.н., доцент; e-mail: msok71@mail.ru

Россия, Самарская обл., г. Тольятти

В статье рассматривается авторская модель анализа образных полей дендронимов как компонентов компаративных тропов в русской поэзии XVIII–XX вв. с позиций системно-функционального подхода. Представлен комплекс заданий, направленных на формирование у студентов умений анализировать образные поля в авторских идиостилиях.

Ключевые слова: *русская поэзия; дендронимы; образное поле; тропы.*

Современные лингвисты признают чрезвычайную актуальность проблемы изучения особенностей общепозитического языка в целом и идиостилей отдельных авторов, а значит, и методики анализа поэтического произведения [1–3]. В отечественной теории художественной речи наибольшее признание получает комплексный или частичный уровневый лингвистический анализ, в результате которого устанавливается авторская индивидуальность творческого субъекта [4–5]. Данный анализ направлен на выявление эстетически значимых языковых средств внутри отдельных уровней художественного текста и на их пересечении.

Другое активно развивающееся направление в исследовании специфики поэтического языка – установление парадигмы, т. е. внутренне упорядоченной совокупности, всех образных словоупотреблений определенного хронологического периода поэзии, восходящих к тому или иному образному инварианту [6; 7]. Оба названных направления дополняют друг друга, так как выявление специфики индивидуального идиостиля в полной мере раскрывается в контексте соотношения с общепозитической традицией.

Предметом рассмотрения в данной статье является анализ тропеического уровня функционирования дендронимов в русской поэзии XVIII–XX вв., выделяемого нами в рамках комплексного исследования указанных единиц с позиций системно-функционального подхода [8–10]. Названный подход, принятый в лингвопоэтике, связан с движением от языковой формы к ее эстетической функциональной нагрузке и эстетическому замыслу поэта, идейно-тематическому содержанию в составе художественного произведения [11].

На наш взгляд, наиболее перспективным методом анализа тропеического уровня языковых средств как отдельного художественного произведения, так и парадигмы поэтических контекстов их употребления, является метод образного поля. В настоящее время в лингвистике отсутствует единство в понимании сущности данного термина, в подходах к структурированию и характеристике образных полей в поэтическом языке [12–14].

Цель предлагаемой статьи – описать разработанную авторскую модель анализа образных полей дендронимов как компонентов компаративных тропов в русской поэзии XVIII–XX вв. с позиций системно-функционального подхода.

Исследование выполнено на базе поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка [15], в результате работы с которым было отобрано и проанализировано более 1000 поэтических контекстов XVIII–XX вв. тропеического словоупотребления дендронимов *тополь* и *клён*, а также 54 фрагмента, содержащих дендронимы *берёза*, *верба*, *дуб*, *ель*, *ива*, *клён*, *липа*, *осина*, *рябина*, *сосна*, *священное дерево*, *черёмуха*, *яблоня*, *ясень* как компоненты тропов, из произведений С.А. Есенина, М.П. Герасимова и А.В. Ширяевца.